МЕМУАРЫ

© 1993 г., ЭО, № 1

В. П. Алексеев

ОБЩЕНИЕ *

Я прошу принять эти страницы как посвящение всем, кому дорога память о Михаиле Михайловиче Герасимове и окружавших его коллегах.

Часть первая

Зимой 1951 г. Георгий Францевич Дебец как-то вечером в институте сказал мне: «Пойдемте к Герасимовым»,— и повел меня, восхищенного и подавленного, в Скатертный переулок около Арбата, где Михаил Михайлович Герасимов жил тогда в коммунальной квартире, занимая со своей семьей большую, но единственную комнату. В комнате по стенам, на стеллажах стояли скульптурные портреты людей прошлого, уже известные мне по книгам и музейным экспозициям, и я, обалдев от возможности смотреть на оригиналы и от знакомства со знаменитой личностью, мало что запомнил из этой первой встречи. В памяти остались приветливость обаятельной Тамары Сергеевны — супруги Герасимова, его доброжелательные, но пристально смотревшие на меня глаза, обмен какими-то остротами с Дебецом, теплый смех, крепкий чай, которым нас поили. Когда мы вместе с Дебецом вышли, он сказал: «Вот он какой у нас, Герасимов»,— и в голосе прозвучала сложная гамма чувств, включавшая уважение, восхищение, гордость и, я бы даже сказал, преклонение перед чем-то малопонятным и не вполне объяснимым.

После этого на ученых советах и на сессиях института я несколько раз слышал доклады Герасимова и его выступления по другим докладам. Он не любил много говорить, но манера излагать свои мысли была свободной и обаятельной, замечания по другим докладам острые и оригинальные, выражались они всегда в редкостно доброжелательной и дружественной форме; все это запоминалось и действовало на молодое восприятие как хороший пример истинно благовоспитанного и академического поведения. И поразительно — о чем бы ни говорил Герасимов, иногда вполне владея собой, иногда волнуясь (а прекрасно чувство волнения перед аудиторией, столь помогающее хорошо выступать и иметь со слушающими тебя людьми постоянный контакт!), глаза его всегда лукаво посмеивались, как бы приглашая посмотреть на предмет изложения или спора со стороны, еще раз подумать, не оценивать все сказанное однозначно и на всю жизнь.

В этот первый год или первые годы знакомства уже сложился тот внешний образ Михаила Михайловича, какой я и все люди моего поколения запомнили

---

* Предлагаемое читателю повествование написано автором, по-видимому, в начале 1980-х годов, т. е. более чем через 10 лет после смерти М. М. Герасимова (умер в 1970 г. в возрасте 63-х лет), но по каким-то причинам осталось неопубликованным.

Редакция искренне признательна Т. И. Алексеевой, любезно предоставившей рукопись своего покойного мужа нашему журналу, частым автором и членом редколлегии которого он был на протяжении многих лет. Редакция надеется, что читателю будет интересно увидеть как бы «зарисовки с натуры» ярчайших деятелей науки недавнего прошлого, да и самого автора — В. П. Алексеева, год со дня смерти которого исполнился в 1992 году.—*Ред.*

Рис. 1. М. М. Герасимов. Начало 1960-х годов (эта и остальные фотографии — из семейного альбома Герасимовых)

навсегда. Герасимов не был высок, но сразу же обращал внимание грузностью и мощью. Руки, очень широкие в ладонях, могучие, сразу же красноречиво говорили — их обладатель человек очень сильный, сильный феноменально. В этой феноменальной силе (а почувствовалась она с первого рукопожатия) я потом убеждался неоднократно, видя Герасимова на раскопках, присутствуя в его лаборатории при том, как он, никому не доверяя, легко и бережно переносил с места на место тяжелейшие свои скульптуры и муляжи, наконец, наблюдая, как податливы были в его руках все скульптурные материалы. И фигура была под стать рукам — пропорциональная, с огромными плечами и грудью (ее гармонии не нарушала даже рано развившаяся вследствие болезненных нарушений обмена полнота), на крепких и мощных как колонны ногах.

Окончательный облик человека, его портрет, конечно же, определяется лицом. Про лицо Герасимова говорили разное — что оно часто принимало хитроватое плутовское выражение, что он похож на Хемингуэя (действительно, есть фотография Герасимова с бородой — бросающееся в глаза очевидное сходство с Хемингуэем), что в нем проступают монголоидные черты. Меня всегда поражало в лице Герасимова какое-то отдаленное сходство с реконструированным им лицом Андрея Боголюбского: тот, однако, и в скульптуре хищен и жесток, Герасимов — мягок и добр. Глаза светились теплотой и вниманием, на губах неизменно играла доброжелательная улыбка, голос, довольно высокий (Михаил Михайлович, любивший и умевший рассказывать про себя смешные истории, посмеиваясь, частенько говорил, что его принимают по телефону за Тамару Сергеевну), звучал заинтересованно и ласково. У вас всегда была уверенность, что вы говорите с очень добродушным человеком... и вдруг через мозг проскакивала мысль, что это лишь первое впечатление, «поверхность», что внутренние пристальность и пытливость никогда не покидают этих глаз, над которыми возвышается огромный и красивый лоб человека, всю жизнь преданного художественному поиску, размышлявшего над фундаментальными проблемами происхождения человека, распутывавшего в процессе создания реконструкций исторических деятелей исторические загадки, трудившегося и мыслившего много, упорно и незабвенно. А со лба назад уходила довольно длинная грива седых

Рис. 2. На раскопках в Молдавии. Конец 1950-х годов

Рис. 3. На стоянке Мальта (Восточная Сибирь). 1958 г.

волос, завершавшая незаурядный и запоминающийся облик значительного человека. Помню, встретил его однажды в первые годы знакомства на улице зимой; он всегда ходил без шапки, меня не заметил,— и хорошо, так как это дало возможность понаблюдать за ним со стороны. Люди оглядывались на него — в неторопливой мерной походке и всей его неповторимой внешности властно ощущалось неповседневное.

И еще одно непременно нужно сказать, вспоминая внешность Герасимова,— его массивная фигура казалась удивительно легкой, двигался он с артистической грацией, а о легкости, с которой двигались и что-нибудь делали его руки, ходили

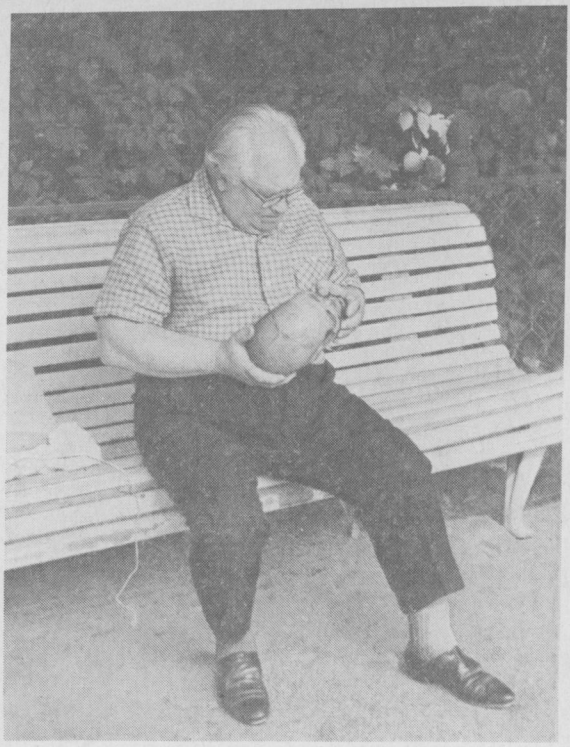

Рис. 4. А потом будет лицо ...

легенды. У многих археологов, антропологов и просто друзей семьи Герасимовых сохранились в шкафах стоящие непременно рядом с самой красивой и дорогой посудой маленькие фигурки каких-то замысловатых, а иногда и вполне реальных птиц и животных, выполненные из серебряной фольги. Кто-то съедал конфету или шоколадку, оставалась серебряная бумажка; Михаил Михайлович, сидя здесь же, за столом, незаметно подбирал ее, и через несколько минут изящная неповторимая скульптурка была готова. Время, увы, не очень бережно обращается с такими хрупкими созданиями человеческих рук, многое пропало, но и сохранившееся дает представление о своеобразии этого искусства и его выразительности. Наблюдать за движениями рук Герасимова, когда он сминал тончайшую фольгу и придавал ей какую-то форму, было наслаждением: массивные пальцы, казалось, все должны были раздавить, и поэтому внезапно появлявшееся в них серебряное чудо воспринималось как какой-то фокус, удивительное колдовство. А пальцы — даже при пристальном наблюдении — почти не двигались, а если и двигались, то как-то неуловимо, нестандартно, бережно держа листики невесомой фольги и почти не прикасаясь к ней.

Широко распространено заблуждение, что руки выдающихся музыкантов отличаются удлиненными пропорциями, тонкими и длинными выразительными пальцами. Между тем сохранившиеся слепки кисти гениальных пианистов — Бетховена, Листа, Николая Рубинштейна и многих других — свидетельствуют как раз об обратном: видна очень широкая и сильная кисть с короткими толстыми пальцами; пальцы не закруглены на концах, а почти квадратны. Гений — это работа и сила, а рабочая, много делавшая рука, не бывает изящной. Рука Герасимова была тяжела и на вид топорна, и, может быть, ее внешнее сходство с руками великих виртуозов рояля отчасти объясняет тончайшее, я бы сказал, музыкальное чувство формы, фактуры и предметности, которое поражает в его готовых реконструкциях, которое в высокой степени было свойственно всему его

Рис. 5. М. М. Герасимов с дочерью М. М. Герасимовой — и ... череп царя Федора Иоанновича. 1964 г.

творческому процессу и сделало таким уникальным его творческое лицо. Это чувство, не давшее Герасимову остаться только анатомом и антропологом, само в то же время фундаментально выиграло в сопряженности с его антропологическими и анатомическими знаниями. Мощная рука Герасимова, точно вытесанная из камня,— не менее яркая и кардинальная черта портретного облика, чем его умное и выразительное лицо, чем его легко двигавшаяся квадратная фигура.

Все эти детали — личное авторское восприятие внешнего облика Герасимова, как он сложился со дня первого знакомства и до его смерти. А почему Дебец повел автора к Герасимову? И кто такой Дебец? Что это за институт, на ученых советах которого автор имел счастливую возможность слышать выступления Герасимова? Все это требует обстоятельного рассказа, без которого и многие аспекты моего знакомства с Герасимовым останутся неясными, и многие стороны его деятельности окажутся оторванными от питательной почвы, на которой развился его талант, от той научной и человеческой среды, в которой он жил и работал в эпоху своего творческого расцвета.

Зима 1951 г., когда я впервые увидел Герасимова,— это зима пребывания на четвертом курсе Дальневосточного факультета Московского Института востоковедения, преобразованного позднее в Институт восточных языков при МГУ *. Почему и как студент, изучавший тюркские языки, на третьем курсе заинтересовался антропологией и стал в ущерб своим институтским занятиям серьезно штудировать этнографическую и антропологическую литературу — здесь не место рассказывать, да и представляет это в общем узко биографический интерес. Но вневостоковедные интересы привели меня в Институт этнографии АН СССР — то самое учреждение, где в те годы работали и Дебец, и Герасимов.

Академический Институт этнографии, организованный в конце Великой Отечественной войны в Москве (в Ленинграде он под разными наименованиями традиционно существовал с конца XIX в., ленинградский институт был объединен с московским и получил официальный статус Ленинградского отделения Инсти-

* Здесь и далее сохранены прежние названия учебных институтов и научных учреждений.— *Ред.*

тута этнографии АН СССР), сконцентрировал блестящие научные силы. Почти все крупные московские этнографы и многие антропологи либо были сотрудниками института, либо привлекались к его работе в качестве авторов коллективных трудов, консультантов и членов Ученого совета. Именно поэтому профессиональная атмосфера была высокоинтеллектуальной, а научная жизнь кипела ключом — печатались крупные монографии, посвященные отдельным народам и группам народов, обсуждались коллективные труды об узловых проблемах науки, вынашивались и реализовывались планы больших экспедиций. В центре забот института было огромное коллективное издание «Народы мира», позже вышедшее в 18 томах и надолго ставшее не имеющим аналогов справочником и энциклопедией по народам мира на русском языке. Все это не творилось в тиши директорского кабинета, а широко дебатировалось на заседаниях и в кулуарах, было живым делом всех сотрудников института.

Не помню точно, сколько тогда в институте было сотрудников — кажется, около 100, но вокруг маститых группировалось много молодежи, и институтская жизнь протекала весело и шумно. Послевоенная теснота академических учреждений сказалась и в этом случае — весь институт занимал половину верхнего этажа, бывшего некогда помещением для прислуги, в старом аристократическом особняке на улице Фрунзе, 10. Вторая половина чердака, отделенная от институтской лестницей, принадлежала какой-то физиологической лаборатории, откуда периодически удирали на лестницу лягушки. В остальном помещении располагался Институт права АН СССР, который занимает все это помещение и в настоящее время.

Лестница и лестничная площадка были прибежищем молодежи, там всегда толпились аспиранты и аспирантки, курили и кокетничали друг с другом, стоял несмолкаемый хохот. Дверь с лестничной площадки вела в общую комнату, где стоял посередине большой стол, но стульев почти не было, так как сотрудники растаскивали их по своим комнатам. Иногда в этой комнате, довольно обширной, проводились общие заседания, в том числе и с приглашенными лицами, тогда она преображалась и превращалась как бы в малый конференц-зал, но в обычное время имела вид достаточно запущенный, и сотрудники бегали через нее из комнаты в комнату. Таких комнат было семь, одна меньше другой, и в каждой помещалось по два, а то и по три сектора. Собственно рабочих комнат было четыре, так как одна из семи оккупировалась библиотекой, уже в те годы довольно приличной, а в двух была святая святых — канцелярия и бухгалтерия, сотрудники которых сидели, естественно, вместе (там же помещался и хозяйственник), и за ними — дирекция, состоявшая из директора, двух замов и ученого секретаря, сидевших также вместе. Дверь в канцелярию была всегда открыта, дверь в дирекцию — всегда закрыта, вступавшего за эту дверь охватывало некоторое волнение. Там решались все важные институтские вопросы, принимались аспирантские и кандидатские экзамены, проводились закрытые заседания, в которых принимали участие «корифеи» — небольшая группа институтских докторов и профессоров, каждый из которых был светилом в своей области и пользовался безмерным уважением сотрудников института.

Уместно вставить — веселость и непринужденность царили не только на лестнице и лестничной площадке. Сотрудники любили смеяться и умели острить, хорошее «мо» ценилось и передавалось дальше. Придя в первый раз в институт студентом третьего курса вместе со своим товарищем (Л. А. Файнбергом.— *Ред.*), тогда студентом Института иностранных языков, а теперь одним из ведущих специалистов по этнографии Америки и Арктики, мы тоже дали повод для такого «мо». Ирина Александровна Золотаревская, в то время молодой сотрудник-американист, а впоследствии ученый секретарь института, поговорив с нами, ворвалась в библиотеку, где работал Долгих, создававший тогда свою замечательную книгу об этническом составе Сибири к моменту прихода русских, и закричала: «Борис Осипович, Борис Осипович, пошли, там пришли два каких-то ненормальных, этнографией интересуются». С тех пор «ненормальные, интересующиеся

этнографией» надолго осталось нашей характеристикой. «Корифеи» тоже шутили, с удовольствием подсмеивались друг над другом, но делали это безукоризненно корректно и тем давали молодежи пример хорошего вкуса.

Созданный практически на пустом месте институт, как уже говорилось, концентрировал почти все крупнейшие научные силы Москвы, пристально следил за работой других этнографических центров и координировал ее. Именно к концу 40-х — началу 50-х годов относится многочисленная аспирантура, в которой учились представители всех республик и из которой вышли все наиболее деятельные кадры этнографов и антропологов, сейчас работающие на местах. На кафедре этнографии МГУ институтские специалисты читали большое число спецкурсов и поэтому способные студенты с первых своих шагов попадали в поле зрения, ездили в организованные институтом экспедиции и пользовались поддержкой. Постоянное и активное общение со студенческой средой было одним из мощных факторов, также поддерживавших и усиливавших славу профессоров и докторов института среди гуманитарных кругов Москвы.

Трудно охарактеризовать всех крупных работников, которых институт собрал внутри себя, но наиболее колоритных из них все же нельзя не упомянуть. Директор и создатель института Сергей Павлович Толстов, в 1956 г. избранный членом-корреспондентом АН СССР, параллельно с работой в институте на протяжении ряда лет возглавлявший кафедру этнографии МГУ и Институт востоковедения АН СССР, был незаурядным организатором, чем и объясняется столь высокий профессиональный уровень институтских сотрудников. Ему не только удалось объединить московских этнографов и привлечь антропологов с кафедры антропологии и из Института антропологии МГУ, но и вызвать с периферии ряд крупных специалистов, добиться их прописки в Москве и обеспечить их жильем. Обремененный огромными административными обязанностями, относившийся к ним со страстной заинтересованностью и совершенно лишенный равнодушия Толстов, к сожалению, рано износился и уже не смог оправиться полностью от инсульта, постигшего его в возрасте 50 с небольшим лет. Но энергия его, обращенная на научную работу, была еще более впечатляюща, чем организационная — он был признанным знатоком древней истории Средней Азии, создателем и многолетним руководителем Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, открывшей в междуречье Амударьи и Сырдарьи новую для Средней Азии цивилизацию, история которой была прослежена с эпохи неолита до средневековья, ему принадлежали многие ценные гипотезы в области истории первобытного общества.

Как и вокруг любой крупной личности, да еще руководителя большого научного коллектива, руководителя удачливого и пользующегося авторитетом в коллективе, вокруг личности Толстова создавалась красивая легенда, во многом соответствовавшая действительности. Сотрудники Хорезмской экспедиции и работавшие в ней студенты рассказывали, как неутомим Сергей Павлович в экспедиционных маршрутах по безводным пескам, как блестяще он ориентируется в результатах любых хорезмийских раскопок, сколько таланта, знания и фантазии проявляет при их интерпретации, как интересно сидеть с ним у ночного экспедиционного костра и слушать его замечательные рассказы на самые разнообразные темы или стихи любимых им поэтов, которые он читал с исключительной выразительностью.

Непосредственный контакт с директором института, хотя для сотрудников и нечастый (Толстов часто уезжал в командировки и много времени проводил в экспедициях), подтверждал реальность легенды. Крупная внушительная фигура, активная резкая жестикуляция, громовой голос, речь, лившаяся неостановимым могучим потоком, сила логики и убеждения — все это впечатляло и запоминалось надолго. Было, кажется, и другое — известная нетерпимость к чужим мнениям и острое желание первенствовать, но у кого из талантливых и богато одаренных от природы людей нет тех же или иных недостатков! Содеянное же Толстовым в науке было огромно даже в количественном выражении, как если бы он не

занимался организацией науки и не ездил в экспедиции, а только сидел в своем кабинете — сотни больших по объему статей, несколько книг, богато и оригинально иллюстрированных, увлекательно написанных и так же, как и его устные доклады и выступления, поражающих его широчайшей осведомленностью в самых разнообразных областях знания. Статьи были посвящены различным темам — неолиту Средней Азии, сложению государств в Средней и Центральной Азии, этногенетическим проблемам, событиям древней истории Венгрии и Византии, нумизматике, среднеазиатским генеалогическим легендам, социально-брачной организации туркмен, вопросам этнографии поволжских народов, обстоятельствам формирования ислама и пр., и пр. И как ни безжалостно время к историческим научным работам и тем авторам, которые обращаются к разнообразным темам, оставляя скрупулезную обработку деталей другим ученым — Издательство АН СССР выпускает сейчас, больше чем через 20 лет после того, как он прекратил в результате болезни научную работу (умер он в декабре 1976 г.), двухтомник работ Толстова, включающий его основные статьи *.

Под стать лидеру института были и его заместители: оба оригиналы, оба — прекрасные работники и эрудиты, друг на друга совсем непохожие, но дружившие, отлично сработавшиеся и составлявшие безотказно действовавшую рабочую пару. Оба были совершенно независимы друг от друга в своих идейных установках, независимы и в сферах действия, четко отграниченных (Иван Изосимович Потехин — зарубежные секторы, Максим Григорьевич Левин — секторы, занимавшиеся отечественной этнографией и антропологией, экспедиции и хозяйственная часть), но уважительно ценили мнения друг друга, тщательно прорабатывали любой институтский вопрос, будь то наука или организация, и поэтому все реализовывалось к удовольствию институтских сотрудников без особого шума, достаточно спокойно и в то же время без больших проволочек. Оба заместителя директора отличались полным демократизмом и доступностью, но демонстрировали столь впечатляющие различия во внешности, манерах и поведении, подходе к административным вопросам и направлении научной деятельности, что дальнейшее их «совместное рассмотрение» было бы просто несправедливо.

Потехин вошел в историю гуманитарной науки в СССР как один из крупнейших строителей советской африканистики. Я не знаю его ранней биографии — в институте рассказывали, что мальчишкой он работал чуть ли не пастухом в глухой сибирской деревне, затем пробился в крайне трудных условиях на рабфак и получил высшее образование. Что в этих рассказах правда, а что вымысел — не берусь сейчас судить, но то обстоятельство, что все приобретенное было добыто им огромным трудом, не вызывает сомнений. Он всю жизнь продолжал говорить на «о», но как говорить! Эта особенность его речи наиболее остро чувствовалась при публичных выступлениях, но сколько в них было вместе с тем врожденного ораторского мастерства: мерные периоды медленной безупречно логически построенной речи, сдержанные впечатляющие жесты, удивительная логическая и звуковая законченность отдельных кусков, редкое умение повышением или понижением голоса подчеркнуть важный момент и привлечь к нему внимание слушателей.

Говоря о выступлениях Потехина, я вспомнил то, о чем должен был сказать раньше, видимо, сразу же вслед за упоминанием жалкого малого конференц-зала — той самой комнаты, через которую бегали сотрудники в обычное время. Кроме этой комнаты имелся настоящий конференц-зал, занимавший почти весь второй этаж и, видимо, служивший при хозяевах-аристократах для приемов, торжественных обедов и танцев. Этот конференц-зал имел высокие и широкие зеркальные окна, лепной потолок и стены, покрашенные в светло-зеленый цвет, что в сочетании с мраморной отделкой выглядело импозантно и празднично. После переезда института в 1960 г. в новое здание на ул. Дмитрия Ульянова

* Двухтомник этот так и не был издан.— *Ред.*

я имел возможность попасть в наш старый особняк лишь раз и снова был захвачен обаянием размеров и пропорций парадного зала.

В этом зале и раздавался чаще всего чуть глуховатый голос Потехина, когда ему приходилось вести производственные совещания или выступать по административным вопросам и делать доклады. В середине 50-х годов он возглавлял группу этнографов-африканистов, позже ушедшую во вновь созданный Институт Африки, и занимался подготовкой и редактированием тома «Народы Африки» из упоминавшейся выше серии «Народы мира». Том вышел первым в этой серии, в 1956 г., и принес всему коллективу института большую радость: нарядный вид и нестандартный объем книги обращали на себя внимание, все сотрудники почувствовали, что они недаром работают над серией. Но характеристика Потехина не ограничивается перечисленным. На вид он был нетороплив, все делал тоже неторопливо, попыхивая неизменной изогнутой трубкой, был заводилой на институтских вечерах, где от души веселился, не жалея времени, а между тем успевал сделать очень много и активно занимался научной работой. Регулярно печатались его статьи, посвященные разным вопросам африканистики, в основном истории колониальных режимов в Африке, в конце 50-х годов он защитил докторскую диссертацию о поздней истории племен банту и в конце тех же 50-х годов, когда встал вопрос о создании самостоятельного Института Африки в системе Академии наук СССР, инициатором чего он всегда выступал, был отозван из Института этнографии и занял пост директора вновь созданного института.

(Продолжение следует)

Talks

Our journal intends to publish in 1993 the manuscript of V. P. Alekseev «Talks». This memoirs tell about an outstanding specialist in anthropology and archaeology Mikhail Mikhailovich Gerasimov, who is wellknown as a creator of the method of face reconstruction on the base of skull, author's contacts with him and his collegues, also striking scholars.

The first part of the manuscript is published in present issue.